РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе Цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. **20-е Іюля 1913 г.** **№ 7.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Бакунинъ—*П. Кропоткинъ*. Зло, съ которымъ надо бороться —*К. Оргеіани*.— Борьба за всеобщее избирательное право.— *Nullatenente*. — Мексиканская революція.— *Nullatenente*.— Реакція во Франціи. — И-нъ — Суффражистки — И-чъ. — Письмо въ редакцію— *Роцинъ*. — На ту же тему—К. *Оргеіани*.— Благородный поступокъ. — Ко всѣмъ анархистамъ. — Отъ издательской группы.

Бакунинъ*).

1-го іюля — годовщина смерти М. А. Бакунина, ближайшаго родоначальника современнаго анархическаго движенія, основателя той вѣтви международнаго соціализма, къ которой мы принадлежимъ.

Старикъ Бланки нерѣдко говорилъ, что значеніе событій измѣряется не столько ихъ непосредственными результатами, сколько ихъ косвенными послѣдствіями, которыя всегда бываютъ гораздо важнѣе первыхъ.

Точно такъ же, говоря о Бакунинѣ, слѣдуетъ оцѣнивать его значеніе не по тому, что онъ сдѣлалъ лично, сколько по вліянію, которое онъ оказывалъ на окружавшихъ его людей — на ихъ мысли и на ихъ дѣятельность.

Его литературное наслѣдіе не велико: «Государственность и Анархія», «Историческое Развитіе Интернаціонала», «Богъ и Государство» (Dieu et l'Etat), — вотъ три написанныя имъ небольшія книги. Остальное — «Кнуто-Германская Имперія», «Письма Французу о настоящемъ кризисѣ», «Теологическая политика и Мадзини», «Бернскіе медвѣди» и др., — все это брошюры, написанныя по данному вопросу минуты. Даже выше-названныя три книги имѣютъ такое-же происхожденіе. Бакунинъ садился съ цѣлью написать брошюру въ отвѣтъ на запросъ дня. Но его брошюра разросталась въ книгу, потому что при его глубокомъ пониманіи философіи исторіи, и съ его громаднымъ запасомъ знанія современныхъ событій, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

Если вспомнить все то, что онъ и его друзья — а его друзья были Герценъ, Огаревъ, Мадзини, Ледрю-Ролленъ и всѣ лучшіе люди и дѣятели революціоннаго періода сороковыхъ годовъ въ Европѣ — передумали объ этихъ, пережитыхъ ими драмахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ; если вспомнить все, что они пережили во время полныхъ надеждъ 1848-го года и послѣдовавшей за тѣмъ реакціи, — легко понять, какъ мысли, образы, доводы, почерпнутые изъ знанія жизни, должны были роиться въ головѣ Бакунина, и почему его философско-историческія воззрѣнія такъ щедро пересыпаны фактами и сужденіями изъ современной дѣйствительности.

Любопытно, однако, что каждая брошюра Бакунина отмѣчала поворотную точку въ исторіи революціонной мысли въ Европѣ. Его рѣчь на конгрессѣ «Мира и Свободы» была вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ радикаламъ Европы. Бакунинъ объявлялъ въ ней, что эпоха радикализма 40-выхъ годовъ закончена, и наступаетъ новый фазисъ революціонной жизни — эра рабочаго соціализма; что рядомъ съ вопросомъ о политической свободѣ, встаетъ вопросъ объ экономической независимости, и этотъ вопросъ будетъ впредь преобладать въ исторіи. Его брошюра, обращенная къ мадзиніанцамъ, возвѣщаетъ конецъ чисто политической революціонной конспираціи ради національнаго освобожденія и начало соціалистической революціи, а также конецъ сантиментальнаго соціалистическаго христіанства и начало атеистическаго коммунистическаго реализма въ исторіи. Письмо Герцену, объ Интернаціоналѣ и базаровскомъ реализмѣ, имѣетъ тотъ-же смыслъ для Россіи.

«Бернскіе медвѣди» — прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, а «Письма Французу», написанныя во время войны 1870—71 года, составляютъ отходную Гамбеттовскому радикализму и возвѣщеніе той новой эры, которую вскорѣ открыла собою Парижская коммуна, отбросившая идею луи-блановскаго государственнаго соціализма и возвѣстившая новую идею—городского, коммунальнаго коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территоріи и начинающая у себя соціальную революцію — вотъ что рекомендовалъ онъ въ этихъ «Письмахъ» противъ нѣмецкаго вторженія.

«Кнуто-Германская имперія», брошюра, которую такъ ненавидятъ нѣмецкіе соціаль-демократы—пророческій крикъ стараго революціонера, понявшаго уже тогда (1871) весь ужасъ реакціи, которая охватитъ Европу на цѣлые тридцать-сорокъ лѣтъ вслѣдствіе торжества Бисмарковскаго военнаго государства, а съ нимъ вмѣстѣ—и государственнаго соціализма, котораго крестнымъ отцомъ, въ Германіи, былъ тотъ-же Бисмаркъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ означала крутой поворотъ въ сторону безгосударственнаго коммунизма — анархіи — въ латинскихъ странахъ.

Наконецъ, «Государственность и Анархія», «Историческое развитіе Интернаціонала»*) и «Богъ и Государство», — несмотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, такъ какъ писались ради злобы дня, — содержатъ для вдумчиваго читателя больше политической мысли и больше философскаго пониманія исторіи, чѣмъ масса трактатовъ университет-

*) Перепечатано изъ «Х. В.» № 19-20,1905 г.

*) Эта книга не Бакунина, въ ней лишь одна статья принадлежитъ ему. Что же касается литературнаго наслѣдія Бакунина, то оно оказывается гораздо больше, чѣмъ думали, какъ то показываетъ изданіе полнаго собранія сочиненій Бакунина, предпринятое Гильомомъ. *Ред.*

скихъ и соціаль-государственныхъ, въ которыхъ отсутствіе мысли прикрывается туманною, неясною, а слѣдовательно непродуманною діалектикою. Въ нихъ нѣтъ готовыхъ рецептовъ. Люди, ждущіе отъ книги разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, безъ собственной работы мысли, не найдутъ этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слѣпо за авторомъ, а смотрѣть на книгу, какъ на матеріаъ для мышленія, — какъ на умную бесѣду, вызывающую въ васъ умственную работу, — тогда горячія, мѣстами безпорядочныя, а мѣстами блестящія обобщенія Бакунина помогутъ вашему революціонному развитію несравненно больше, чѣмъ всѣ вышеупомянутые трактаты, написанные съ цѣлью увѣрить васъ, что вы годны только для повиновенія и должны слѣпо идти за авторомъ — въ вашей мысли, и за главаремъ — въ вашей дѣятельности.

Впрочемъ, главная сила Бакунина была не въ его писаніяхъ. Она была въ его личномъ вліяніи на людей. Онъ сдѣлалъ Бѣлинскаго тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ для Россіи: типомъ неподкупнаго революціонера, соціалиста и нигилиста, который воплотился впослѣдствіи въ нашей чудной молодежи семидесятыхъ годовъ. Онъ возродилъ его. — «Ты мой духовный отецъ», писалъ ему самъ Бѣлинскій. А какою громадною силою былъ Бѣлинскій для русскаго развитія — мы знаемъ.

Въ Парижѣ, въ 1847 году (въ этомъ году его изгнали), и въ Германіи въ 1848 году, его вліяніе на лучшихъ людей своего времени было громадно. Бернардъ Шоу разсказываетъ въ полушутливой формѣ (The Perfect Wagnerite), что въ своемъ Зигфридѣ, не знающемъ страха и увлекающемъ своею любовью Брунгильду, Вагнеръ воплотилъ Бакунина. Онъ воплотилъ, конечно, не Бакунина въ частности, а смѣлаго, дерзкаго революціонера вообще. Но нѣтъ сомнѣнія, что и на Вагнера, какъ и на Жоржъ Зандъ, и на Герцена съ Огаревымъ, и на весь кружокъ соціалистической Франціи, жившій тогда въ Парижѣ, и на Молодую Германію, и на Молодую Италію, и на Молодую Швецію Бакунинъ оказалъ въ свое время громадное вліяніе. — «Къ нему нельзя было подойти, не заразившись его революціонною горячкою», говорили о немъ его современники.

Такимъ же оказался онъ, когда, бѣжавши въ 1862 г. изъ Сибири, онъ появился снова среди своихъ друзей въ Лондонѣ. Герценъ, какъ извѣстно, описалъ его появленіе въ Лондонѣ, и слегка подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ всякихъ славянъ. Весьма возможно, и навѣрно, такъ и было, что Бакунинъ часто возлагалъ больше надеждъ на подходившихъ къ нему людей, чѣмъ они того заслуживали. — Но развѣ того же нельзя сказать о Мадзини, о всякомъ искреннемъ революціонерѣ? Оттого, можетъ быть, онъ и обладалъ такою магическою силою, что вѣрилъ въ человѣка, вѣрилъ въ то, что великое дѣло, къ которому онъ его пріобщалъ, пробудитъ въ человѣкѣ то, что въ немъ есть лучшаго. И оно дѣйствительно пробуждало, и подъ вліяніемъ Бакунина человѣкъ давалъ революціи въ короткое время все лучшее, на что былъ способенъ.

Герценъ разсказываетъ въ шутливомъ тонѣ какъ Бакунинъ пропагандировалъ и посылалъ людей на дѣло. Но — правда ли, что онъ дѣйствительно такъ ошибался въ людяхъ?... Развѣ люди, которыхъ онъ вдохновлялъ въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи, развѣ Варленъ, Элизе Реклю, Кафьеро, Малатеста, Фанелли (его эмиссаръ въ Испаніи), Гильомъ, Швицгебель и т. д., сгруппировавшіеся вокругъ него въ знаменитой Alliance, не были лучшіе люди латинскихъ расъ въ эту великую эпоху? Мнѣ кажется, что его оцѣнка людей была, наоборотъ, поразительно вѣрна. Прочтите, напримѣръ, то, что писалъ онъ о Нечаевѣ, котораго и сильныя и слабыя стороны онъ опредѣлилъ такъ поразительно вѣрно, что мы, теперь, ничего не можемъ прибавить къ его оцѣнкѣ. Кто же лучше его понялъ Николая Утина — этого женевскаго божка марксистовъ?

Еще одно. Всего поразительнѣе, и всего поучительнѣе для насъ — высокій нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокругъ Бакунина въ западной Европѣ. Я не зналъ Бакунина, но я зналъ близко большую часть людей, сгруппировавшихся въ Интернаціоналѣ вокругъ него, и поэтому такъ неумолимо преслѣдовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смѣло утверждаю въ лицо ихъ ненавистникамъ, что каждый изъ выше названныхъ мною дѣятелей федеративнаго Интернаціонала представлялъ собою крупную нравственную личность. Исторія, я знаю, подтвердитъ эту характеристику, и, конечно, выскажетъ при этомъ сожалѣніе, что въ средѣ ихъ противниковъ, — по крайней мѣрѣ въ лицѣ ихъ главныхъ руководителей, — былъ, можетъ быть, умъ, но нравственныя начала не достигали такой же высоты и твердости, какъ среди названныхъ мною друзей Бакунина.

Что касается, наконецъ, значенія дѣятельности Бакунина въ Интернаціоналѣ, то я охарактеризировалъ роль «бакунистовъ», говоря въ моихъ «Запискахъ» о Юрской Федераціи.

Въ эпоху, когда разгромъ Франціи, избіеніе Парижскихъ пролетаріевъ послѣ Коммуны и военное торжество Нѣмецкой Имперіи открыли періодъ реакціи, продолжающейся понынѣ, и когда Марксъ, со своими друзьями, помощью подпольныхъ интригъ, захотѣлъ обратить всю дѣятельность рабочаго Интернаціонала, созданнаго для прямой борьбы съ капитализмомъ, въ орудіе парламентской агитаціи на пользу обуржуазившихся соціалистовъ — «бывшихъ людей« — тогда федеративный Интернаціоналъ, вдохновляемый Бакунинымъ, выступилъ единственнымъ, въ то время, оплотомъ противъ обще-европейской реакціи.

Ему мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ латинскихъ странахъ остался живымъ революціонный духъ который нашелъ въ рабочихъ латинскихъ массахъ новую живую силу, чтобы бороться съ рѣзкимъ поворотомъ налѣво кругомъ среди нѣкогда радикальной буржуазіи.

И — среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страхъ, безъ всякой поддержки со стороны буржуевъ, войну всему старому міру, — въ этой средѣ развился наконецъ, современный анархическій коммунизмъ, съ его идеаломъ равенства экономическаго и политическаго и его смѣлымъ отрицаніемъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Таковы заслуги Бакунина въ исторіи.

П. Кропоткинъ.

Іюнь. 1905 года.

Зло, съ которымъ нужно бороться.

Подлое время безвременья, длящееся не въ мѣру, дѣлаетъ тягостнымъ жизнь для тѣхъ, которые, во время всеобщаго распада и разложенія, силятся сохранить въ чистотѣ тѣ высокіе принципы, которыми они питались во время общественнаго подъема.

Было тяжело, было трудно примириться съ прошлымъ и еще болѣе тяжело примириться съ настоящимъ. Возобновленіе работы представлялось сложнымъ, положеніе запутаннымъ, но, несмотря на это, каждый

5 Ч. 345

старался удержаться на принципіальной почвѣ, вынести съ мужествомъ пораженіе и искренно, серьезно отнестись къ дѣлу выясненія нашихъ старыхъ ошибокъ.

Такъ было до сихъ поръ среди анархистовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ разгрома нашей неудачной революціи. Ни разочарованіе, ни сомнѣніе, ни разъѣдающій скептицизмъ не могли укрѣпиться въ нашей средѣ. Если и былъ періодъ бездѣятельности, въ особенности въ 1911 и 1912 г.г., то это объясняется не безвѣріемъ, не разочарованіемъ, а тѣмъ, что движеніе какъ то сразу оборвалось на мѣстахъ, тамъ въ Россіи, что соотвѣтственнымъ образомъ отозвалось и на нашей заграничной дѣятельности. Не сразу удалось нашимъ товарищамъ освоиться съ вновь создавшимся положеніемъ. Что то произошло въ нашей жизни, что то измѣнилось; то политико-экономическое положеніе, которое переживаетъ нынче Россія, отличается отъ стараго, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не ново, — между старымъ и новымъ трудно установить демаркаціонную линію, все смѣшалось и перепуталось, и нашимъ товарищамъ сразу трудно было приспособить свою дѣятельность, и свою пропаганду къ тому запутанному положенію, которое создалось послѣ нашей «революціи». И вотъ на страницахъ этой газеты нѣкоторые товарищи старались распутать эти запутанныя жизнью сѣти. Жизнь поставила передъ нами цѣлый рядъ задачъ, которыя нужно разрѣшить, по крайней мѣрѣ, попытаться разрѣшить. Намъ нужно было выяснить недочеты нашего движенія, опредѣлить наше положеніе, по отношенію создавшихся новыхъ условій нашей жизни, выяснить вопросъ о томъ, окончательно-ли похороненъ вопросъ о ближайшей революціи, перестала ли быть революція для насъ практическимъ вопросомъ, если нѣтъ, то каковы должны быть лозунги этой ближайшей революціи; если же мы находимъ, что революція, какъ практическій вопросъ, похороненъ, что революція отложена въ долгій ящикъ по причинамъ, независящимъ отъ воли и желанія людей, то и въ этомъ случаѣ нужно выяснить, въ чемъ заключается наша практическая дѣятельность теперь, во время подготовительнаго періода, при создавшихся особыхъ условіяхъ, каковъ тотъ лишній грузъ, который мы должны бросить, и каковъ тотъ умственный, нравственный и практическій багажъ, которымъ мы, въ видахъ болѣе сознательной и цѣлесообразной дѣятельности, должны нагрузить себя. Все это вопросы первостепенной важности, и редакція этой газеты настойчиво приглашала всѣхъ товарищей высказаться по этому поводу. Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе серьезномъ и искреннемъ отношеніи къ дѣлу, даже въ такой маленькой газетѣ, какъ «Р. М.», мы съ пользой могли бы поговорить о всѣхъ этихъ вопросахъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что необходимость обмѣна мнѣній чувствовалась всѣми. Но лукавый попутанъ. Лукавый это — демагогія. Демагогія низкопробная, мелкая, безсильная, и такая же мелкая, карикатурная негаевщина и «плотоядное», имѣющее чисто личные мотивы, интеллигентоѣдство, внесенное въ наше движеніе вновь пришедшими элементами, анархизму которыхъ безъ году недѣля и которые стали сѣять между товарищами недовѣріе, злобу и соперничество. Къ намъ попали люди, перебывавшіе во всѣхъ партіяхъ. Есть такіе, которые были раньше съ сіонистами, гдѣ они оказались ненужными, что задѣло ихъ самолюбіе; были эсдеками и должны были уйти отъ эсдекства, опять вслѣдствіе своей ненужности, а это еще больше обострило ихъ обиду, пробовали эсерство, но и тутъ не выгорѣло, докатили, наконецъ, до анархизма, но и тутъ ихъ больное самолюбіе не находитъ удовлетворенія, ибо анархисты, какъ истые власто-борцы, ничуть не желаютъ подчиниться ихъ «единой волѣ»; это окончательно взвинтило ихъ самолюбіе, довело до крайняго, болѣзненнаго напряженія. И ихъ больное, разстроенное воображеніе увидѣло во всемъ этомъ «дьявольски-хитрые подвохи, дьявольскихитрой интеллигенціи», и они завопили благимъ матомъ: Караулъ! Помогите противъ интеллигентскаго засилья. Намъ привелось слышать въ Парижѣ, изъ среды революціонной эмиграціи возглась: «долой жидовъ и интеллигентовъ». Чьими воспитанниками являются эти господа? Кто ихъ вскормилъ своимъ «задушевнымъ словомъ»? Для чего все это? Кому это нужно? Что выигрываетъ рабочій классъ отъ этой разнузданной безпринципности, тотъ рабочій классъ, который написалъ на своемъ знамени:

«Интернаціоналъ и всѣ его члены признаютъ, что истина, справедливость и нравственность должны лежать въ основы его отношеній ко всѣмъ людямъ безъ различія цвѣта кожи, вѣрованій и національности» *).

На что нужно, спрашиваю я нашихъ товарищей анархистовъ, эта человѣконенавистническая пропаганда анархистамъ, для которыхъ сознательная, инціативная личность, какъ творческій элементъ, имѣетъ свою самостоятельную цѣнность независимо отъ того, рабочій она или интеллигентъ?

Когда въ нашей анархистской средѣ, гдѣ интеллигентовъ всего на всего два съ половиной человѣка и гдѣ, вслѣдствіе этой скудости интеллигентскихъ силъ, наша пропаганда встрѣчаетъ почти непреодолимыя затрудненія, раздается боевой кличъ: «долой интеллигенцію»! и когда авторами этого благороднаго лозунга являются интеллигенты же, обиженные тѣмъ, что другіе интеллигенты не хотятъ подчиняться ихъ единой волѣ», не хотятъ быть матеріаломъ для удовлетворенія ихъ самолюбія и тщеславія, мы вправѣ спросить себя, искренно ли этотъ лозунгъ? Если бы онъ былъ искрененъ, то отъ этого онъ не сталъ бы, конечно, лучше, но его авторовъ можно было бы пожалѣть, можно было бы удивиться ихъ скудоумію и этимъ ограничиться. Но дѣло въ томъ, что этотъ лозунгъ неискрененъ, онъ корыстенъ, его авторы живутъ этимъ лозунгомъ, въ немъ заключается вся ихъ оригинальность; они умны, они знаютъ, что въ нашей анархистской средѣ, гдѣ замѣчается страшная бѣдность интеллигентскихъ силъ, рѣчь не можетъ идти о борьбѣ съ какой-то абстрактной интеллигенціей, тутъ этотъ лозунгъ имѣетъ весьма опредѣленный смыслъ, а именно: гоните въ шею Ивана, Петра, Павла и Федора т. е. тѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ анархистовъ, интеллигентовъ, которые мозолятъ глаза нѣкоторымъ господамъ...

Выше мы говорили о личныхъ мотивахъ нашихъ доморощенныхъ интеллигентоѣдовъ, ибо какіе, на самомъ дѣлѣ, общественные мотивы могутъ быть у этихъ господъ противъ крайне малочисленной анархистской интеллигенціи? Развѣ эти анархисты стоятъ во главѣ какихъ-нибудь рабочихъ организацій, гдѣ имъ приходилось бы играть роль главарей и директоровъ движенія? Развѣ они засѣдаютъ въ палатахъ депутатовъ, въ сенатахъ, въ городскихъ управахъ? Развѣ они гдѣ нибудь сидятъ около жирнаго общественнаго пирога? Развѣ они вотъ ужъ 40 лѣтъ не ведутъ упорной борьбы за освобожденіе рабочаго класса отъ ига политико-парламентскихъ партій? Развѣ они не ратуютъ неустанно за самостоятельныя и самодѣятельныя рабочія организаціи? Развѣ они не стремятся съ безукоризненной искренностью къ тому, чтобы лозунгъ: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ

*) Изъ Статутовъ Интернаціонала.

рабочихъ», перестать быть пустой фразой и сдѣлался, наконецъ, практическимъ руководящимъ принципомъ для рабочаго класса?

Ну такъ чего же хотятъ отъ насъ демагоги? Они хотятъ, чтобы мы няньчились съ ними, поблажничали ихъ болѣзненному самолюбію и тщеславію. Нѣтъ, для такой дѣятельности у насъ времени нѣтъ; мы должны, наоборотъ, изымать изъ нашей среды всякаго рода демагоговъ, какъ выводятся токсины изъ больного организма. Вмѣсто того, чтобы поблажничать злу, намъ, наоборотъ, нужно бороться съ нимъ. Намъ нужно энергично бороться за идейное оздоровленіе нашего движенія, но намъ нужно не менѣе энергично бороться за моральное оздоровленіе нашей среды.

К. Оргеіани.

Борьба за всеобщее избирательное право.

Судьба разныхъ избирательныхъ законовъ, которые наряздъ ли принесутъ рабочимъ хлѣбъ и волю, насъ такъ мало интересуетъ, что мы о нихъ вовсе не стали бы говорить, если бы соціальдемократы Бельгіи и Австріи не прибѣгли ко всеобщей стачкѣ, для расширенія избирательныхъ правъ.

Когда рабочій классъ, или скорѣе наиболѣе передовая часть рабочаго класса, заявляетъ, что хочетъ, или дѣлаетъ видъ, что хочетъ, прибѣгнуть ко всеобщей стачкѣ для борьбы съ капитализмомъ, когда она заявляетъ, что всеобщая стачка есть прелюдія соціальной революціи, то тогда всѣ соціальдемократы всѣхъ странъ единодушно заявляютъ, что всеобщая стачка — «нелѣпость», что она, какъ соціально-революціонное средство, безсильна и безмысленна, но когда нужно расширить избирательное право, тогда всеобщая стачка становится самимъ могучимъ средствомъ.

Удивительно, какъ легко и быстро соціальдемократамъ удалось проституировать идею всеобщей стачки! Подъ ихъ же вліяніемъ и рабочіе унизили идею всеобщей стачки. Этимъ именемъ окрещивается болѣе или менѣе широкое стачечное движеніе, предпринимаемое для завоеванія подчасъ самыхъ второстепенныхъ улучшеній. Рабочіе мало по малу привыкли думать, что всеобщая стачка есть средство лишь повседневной борьбы, ея великое значеніе мало по малу стушевалось.

Всеобщая стачка для увеличенія заработной платы, всеобщая стачка для того, чтобы добиться англійской недѣли, всеобщая стачка для защиты правъ синдиката, всеобщая стачка для расширенія избирательныхъ правъ, однимъ словомъ, всеобщая стачка употребляется для всего, и конечно, идея всеобщей стачки мало по малу выцвѣла. Реформистская всеобщая стачка незамѣтно заняла мѣсто революціонной всеобщей стачки, цѣлью которой была дезорганизація организаціи господствующихъ классовъ, ослабленіе ихъ съ тѣмъ, чтобы создать наиболѣе благопріятныя условія для открытаго непосредственнаго выступленія рабочаго класса противъ всего существующаго порядка. Теперь всеобщая стачка не вызываетъ былого энтузіазма и пишущему эти строки пришлось слышать отъ очень видныхъ синдикалистовъ, что всеобщая стачка — революція — лишь символъ.

Надѣемся, что анархисты, работающіе въ синдикатахъ, а также революціонные синдикалисты, анархо-синдикалистскаго толка, не допустятъ, чтобы всеобщая стачка превратилась просто въ символъ, надѣемся, что они приложатъ всѣ усилія, чтобы подготовка всеобщей стачки — революціи, стало живымъ практическимъ дѣломъ.

Мы немного уклонились въ сторону. Возвращаемся къ нашей темѣ, къ борьбѣ за всеобщее избирательное право. Мы всѣ помнимъ съ какой помпой, съ какимъ трескомъ бельгійскіе соціальдемократы готовили всеобщую стачку, которая должна была принести на своихъ крыльяхъ нѣсколько лишнихъ мѣстъ соціальдемократической партіи въ парламентѣ, и, дѣйствительно, стачка, по численности участниковъ, по выдержанности, вышла грандіозной. Бельгійскіе соціальдемократы доказали на дѣлѣ, что они крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ рабочую массу. Они такъ ловко опутали рабочую массу сложными нитями парламентаризма, что, видно, рабочимъ долго не удастся вырваться изъ мастерски скованныхъ цѣпей. Они держали въ напряженномъ состояніи цѣлую недѣлю 500.000 человѣкъ, добились отъ правительства ни къ чему не обязывающихъ обѣщаній, и вотъ эта громадная масса, которая по зову соціальдемократіи бросила работу, также по ея велѣнію, послушно и безпрекословно, прекратила стачку. А мы говоримъ, что рабочій классъ пересталъ слушать главарей!

* * *

Всеобщую стачку съ тѣми же приблизительно цѣлями не менѣе усердно готовили и австрійскіе соціальдемократы. Они также цѣлыми мѣсяцами возбуждали рвеніе рабочихъ, напрягли до крайности ихъ волю и когда все было готово, испугавшись отвѣтственности, отмѣнили ее. Ни одного протеста со стороны рабочихъ, никакого возмущенія противъ «дурныхъ пастырей», которые такъ монархически управляютъ рабочей массой и въ Австріи та же послушность рабочихъ главарямъ, какъ и въ Бельгіи, такое же пассивное повиновеніе. Мы отказываемся вѣрить, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ безсознательной массой, тупой массой, какъ утверждаютъ нѣкоторые или обойденной, обольщенной массой. Нѣтъ, тутъ, съ одной стороны заблужденіе, но «заблужденіе сознательное», т. е. невѣрная оцѣнка самими рабочими своего положенія, но всетаки оцѣнка, сознательный актъ разсудка, а съ другой — вполнѣ сознательный поступокъ, вполнѣ сознательно, добровольно принятая линія поведенія. Нельзя разсматривать теперь большую часть рабочихъ, сознательно участвующихъ въ движеніи, какъ безсознательную и безотвѣтственную массу, какъ это дѣлаютъ заинтересованные демагоги. Эти послѣдніе, тоже любящіе говорить для галерки о самостоятельности и самодѣятельности рабочей массы и о необходимости рабочихъ организацій, не замѣчаютъ, что если и участвующая въ движеніи рабочая масса безотвѣтственна и безвольна, то она не можетъ быть ни самостоятельной, ни самодѣятельной.

Въ свою очередь анархисты допускаютъ непростительную ошибку, часто принимая свои желанія за факты; такъ, напримѣръ, въ анархической литературѣ мы постоянно встрѣчаемъ такія выраженія: рабочій классъ отказался отъ политики, рабочій классъ пересталъ слушать главарей, рабочій классъ хочетъ того-то и того-то, рабочій классъ разочаровался въ томъ-то и томъ-то. Все это, конечно, вѣрно относительно меньшинства; хотя и очень внушительнаго, но всетаки меньшинства, а не всей рабочей массы.

Если извѣстная часть рабочей массы дѣйствительно пріобрѣла всѣ эти качества, усвоила всѣ эти понятія, которыя проникли въ ея сознаніе, то другая часть рабочихъ усвоила какъ разъ обратныя качества, и со-всѣмъ другія понятія проникли и укрѣпились въ ея сознаніи. Поэтому многое изъ того, что намъ кажется

сдѣланнымъ, предстоитъ, наоборотъ, сдѣлать. Нужно перестать смѣшивать желанія съ фактами, и нужно не покладая рукъ работать надъ тѣмъ, чтобы наши желанія стали фактами.

Nullatenente.

Мексиканская революція.

Въ Мексикѣ произошла еще одна дворцовая революція. Генералъ Хуэрта, которому было поручено охранять Мадеро, предпочелъ устранить его, и самъ занялъ его мѣсто. Мадеро, его братъ и адъютантъ убиты «нечаянно», тѣми, кому было поручено охранять ихъ жизнь. Мадеро замѣнилъ Діаза, Хуэрта замѣнилъ Мадеро, а Хуэрту замѣнитъ еще кто нибудь. Эта сказка про бѣлаго бычка насъ мало интересуетъ. Намъ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ, что дѣлается въ самомъ народѣ вообще, и объ анархическомъ движеніи въ Мексикѣ въ частности, насколько это возможно на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, какія имѣются въ нашихъ рукахъ.

***

Во время завоеванія Мексики испанцами всѣ земли были захвачены побѣдителями. Испанцы - побѣдители получили громадныя имѣнія, и установившіяся въ странѣ земельныя отношенія имѣли большое сходство съ средневѣковымъ феодализмомъ. Какъ до завоеванія Мексики испанцами, такъ и послѣ все населеніе страны состояло изъ индѣйцевъ. Номинально, на словахъ, индѣйцы остались собственниками земли, но фактическими владѣльцами являлись потомки первыхъ завоевателей. Крестьяне - индѣйцы должны были платить значительный оброкъ натурой и деньгами фактическимъ владѣльцамъ земли.

Крестьяне - индѣйцы очень неохотно подчинялись этимъ порядкамъ, противъ которыхъ они вели постоянно ожесточенную войну, приведшую, наконецъ, къ такъ называемой освободительной войнѣ.

Испанскому владычеству былъ положенъ конецъ, но отъ этого экономическое положеніе мѣстнаго населенія нисколько не улучшилось. Впослѣдствіи, во время правленія Діаза, тѣ земли, которыя принадлежали индѣйцамъ были розданы правительствомъ иностраннымъ компаніямъ, въ формѣ концессій, что вновь вызвало возстаніе индѣйцевъ, принадлежащихъ къ двумъ племенамъ, Якисъ и Меуасъ, которыхъ почти совершенно истребили во время этого возстанія. Въ свою очередь, частные владѣльцы крупныхъ имѣній тоже продали свои земли иностранцамъ, такъ что индѣйцы - крестьяне были совершенно обезздолены и «пролетаризированы». Оставшись безъ земли, безъ куска хлѣба, индѣйцы - крестьяне, чтобы не умереть съ голоду, должны были работать въ качествѣ наемниковъ, на тѣхъ земляхъ, которыя еще не такъ давно принадлежали имъ. Но съ этимъ положеніемъ индѣйцы - крестьяне не примирились, они все время воевали за возвратъ земель прежнимъ собственникамъ, т. е. имъ, крестьянамъ. Бунты, возстанія не прекращались, и всѣ они имѣли одну и ту же цѣль: отвоевать потерянную землю.

Когда Мадеро предпринялъ борьбу противъ Діаза, то онъ, чтобы привлечь индѣйцевъ на свою сторону, далъ имъ обѣщаніе, что всѣ земли, отнятыя у нихъ, будутъ возвращены имъ и, когда Мадеро одержалъ побѣду и занялъ мѣсто Діаза, то одинъ изъ руководителей крестьянскаго движенія, Эмиліано Дзапата, чуя измѣну, отказался сложить оружіе, пока обѣщанныя крестьянамъ-индѣйцамъ земли фактически не будутъ возвращены имъ. Чтобы эти земли возвратить индѣйцамъ, нужно было предварительно выкупить ихъ. Мадеро медлилъ, не рѣшался; можетъ быть, надѣялся, что движеніе заглохнетъ, но движеніе не заглохло. Крестьяне упорно настаивали на своемъ. Потерявъ всякую надежду добиться чего-нибудь отъ Мадеро, Дзапата рѣшилъ разрѣшить вопросъ своими собственными средствами: онъ съ своей революціонной арміей изгналъ иностранныя компаніи, а земли, которыя принадлежали этимъ компаніямъ, были захвачены индѣйцами-крестьянами. Что же касается собственниковъ мексиканцевъ, они стали помогать дзапатистамъ, снабжая ихъ деньгами и оружіемъ.

Умбло *), у котораго мы заимствуемъ большую часть нашихъ настоящихъ свѣдѣній о мексиканскомъ движеніи, предполагаетъ, что силою сломить Дзапата правительству Хуэрта не удастся, какъ не удалось сдѣлать это Мадеро. Дзапата со своею революціонной арміею является хозяиномъ всего юга Мексики, т. е. владѣетъ территоріей въ два раза больше всей Франціи. Его армія состоитъ приблизительно, изъ 15 тыс. человѣкъ, людей рѣшительныхъ, закаленныхъ въ бою. Правительство ведетъ съ дзапатистами жестокую кровавую борьбу, сжигаетъ тѣ деревни, которыя оказываютъ помощь дзапатистамъ, истребляетъ, порою, поголовно все ихъ населеніе, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Дзапатисты отвѣчаютъ тѣмъ же, взрываютъ поѣзда, разрушаютъ деревни и городки своихъ противниковъ, истребляютъ авангосты правительственныхъ отрядовъ и забираютъ ихъ ружья, захватываютъ деньги и имущество ими разрушенныхъ городковъ и деревень. Съ самаго начала борьбы они слѣдуютъ одной неизмѣнной тактикѣ: внезапно появляются въ какой-нибудь деревнѣ или въ какомъ-нибудь городкѣ, разгромятъ, оберутъ населеніе и идутъ дальше.....

Извѣстно, что въ движеніи принимаютъ участіе, кромѣ дзапатистовъ еще такъ называемые магонисты, которые называютъ себя анархистами. Дзапатисты же себя анархистами не называютъ; подавляющее большинство ихъ не знакомо даже со словомъ «анархія», и они были бы крайне удивлены, еслибъ кто-нибудь имъ сказалъ, что тотъ коммунизмъ, къ которому они стремятся, какъ двѣ капли воды похожъ на анархизмъ; однакожъ, несмотря на это незнакомство съ анархизмомъ они въ большей степени анархисты, чѣмъ магонисты. Но крайней мѣрѣ, таково мнѣніе корреспондентовъ нашихъ анархистскихъ изданій *), близко знакомыхъ съ движеніемъ. Что въ основѣ мексиканскаго движенія лежитъ ясно сознанный или полусознанный федералистскій коммунизмъ, это теперь почти не подлежитъ сомнѣнію. Удастся ли движенію претворить этотъ принципъ въ жизнь, это другой вопросъ. Мы убѣждены—да, впрочемъ, не мы одни такъ думаемъ, что это движеніе кончится такъ, какъ кончилось всѣ крестьянскія движенія до сихъ поръ, какъ кончилось величайшее изъ крестьянскихъ движеній, крестьянское движеніе во время великой французской революціи, т. е. что крестьяне получатъ надѣлы, болѣе или менѣе значительные, у нихъ будетъ свой кусокъ земли, который кое какъ будетъ кормить ихъ и на этомъ въ Мексикѣ водворится покой..... на время, конечно, ибо народъ, который долго и упорно боролся за свободу и равенство, обогащается революціонной традиціей равенство, и свобода, начинаютъ казаться ему возможными, воспоминаніе о прошломъ будетъ жить въ немъ, и онъ

---

*) Корреспонденцъ журнала «Les Temps Nouveaux».

*) Напр. журн. «Les Temps Nouveaux» и итальянской газеты «Cronaca Soversiva», надающейся въ Бостонѣ.

всегда будетъ думать о томъ, что можно было осуществить и что осуществилось. Революціонная традиція, воспоминаніе, полученное въ революціонной борьбѣ, воспоминаніе о прошлыхъ славныхъ сраженіяхъ за лучшій удѣлъ являются такими творческими факторами, которые даютъ возможность надѣяться на лучшее будущее.

Nullatenente.

Реакція во Франціи.

Какой то злой демонъ обуялъ всю Европу. Политика великихъ державъ вертится въ вихрѣ противорѣчій: говорятъ о мирѣ и... лихорадочно готовятся къ войнѣ. Наше поколѣніе навѣрное будетъ свидѣтелемъ такихъ войнъ и побоищъ, какихъ еще не видѣлъ міръ.

Германія увеличиваетъ контингентъ своей сухопутной арміи, не будучи въ состояніи пересилить Англію на морѣ, русское правительство отчасти, на счетъ голоднаго народа, отчасти на счетъ богатой союзницы ассигнуетъ полъ-милліарда рублей на флотъ и увеличиваетъ общій военный бюджетъ; Франція дѣлаетъ шагъ назадъ, возвращается къ трехлѣтней военной службѣ. Милліарды ассигнуются съ легкимъ сердцемъ на сооруженіе сухопутныхъ и морскихъ чудовищъ для истребленія тысячъ и сотенъ тысячъ людей, для разрушенія вѣками созданной культуры, налоги и поборы увеличиваются; и это теперь, когда народная масса во всѣхъ странахъ единодушно жалуется и протестуетъ противъ дороговизны жизни.

Республиканская и демократическая Франція позаимствовала, какъ пріемы борьбы съ передовыми элементами общества, такъ и подходящій реакціонный языкъ у своей «колоссальной союзницы».

На западѣ во главѣ реакціи, идетъ республиканская Франція, гдѣ шовинистическое чувство искусственно разжигается, доводится до крайняго напряженія,—театры, кафешантаны, кабаки, школы, университеты сдѣлались разсадниками взвинченнаго шовинистическаго чувства. Кажется, всѣ Пуришкевичи переселились во Францію: тотъ же разнузданный, циническій языкъ, что у Пуришкевича, та же политика безпросвѣтной реакціи, та же низость стремленій, та же желаніе захвата и грабежа.

Во Франціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, народъ встрѣтилъ почти съ восторгомъ введеніе вмѣсто трехгодичной, двухгодичной военной службы. На эту реформу смотрѣли во Франціи чуть ли не какъ на самую крупную реформу нашего вѣка. Сколько усилій понадобилось, чтобы вырвать ее у правящей клики. И вотъ правительство торжествующаго хамства, подлинное злодѣйское сообщничество Пуанкарэ, Барту, Этьена беретъ у народа обратно и эту жалкую реформу; всѣхъ недовольныхъ преслѣдуетъ, сажаетъ въ тюрьмы; происходятъ аресты и обыски во всей Франціи, грозятъ роспускомъ Конфедераціи Труда, вводятъ противъ нея исключительные законы, которые позволятъ реакціонному правительству штрафами, наказаніями разорить и обезсилить революціонныя организаціи. Будущее покажетъ, останется ли безнаказаннымъ реакція. Терпѣніе народа, наконецъ, можетъ истощиться.

И-нъ.

Суфражистки.

Прежде всего мы должны сказать, что никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что общество, распадающееся на различные классы, которыхъ и безъ того много, нужно еще подраздѣлить на классъ мужчинъ и на классъ женщинъ. Единственное, исторически мотивированное подраздѣленіе общества на классы, это то подраздѣленіе, которое возникло на почвѣ имущественной дифференціяціи. Наврядъ ли въ основу классовой дифференціяціи, въ человѣческомъ обществѣ, можно положить физіологическую дифференціяцію. Для угнетенной части человѣчества социальный вопросъ одинъ: единная и угнетенная масса, независимо отъ того, сознаетъ это масса свое единство или нѣтъ. Врядъ ли С. Перовская, напримѣръ, задавала себѣ такой вопросъ: въ качествѣ женщины или въ качествѣ мущины несу я свою голову на плаху? Для женщинъ, которымъ лавры политиканокъ не мѣшаютъ спать, этого вопроса нѣтъ.

Есть одинъ общій идеалъ — соціализмъ, — общечеловѣческій по своимъ конечнымъ цѣлямъ, и къ этому идеалу стремятся, какъ сознательные работники, такъ и сознательныя работницы; ихъ объединяетъ одинъ общій идеалъ, ихъ должны объединять и общія средства борьбы для достиженія этого идеала. Женскіе синдикаты входятъ въ Конфедерацію Труда, женщины анархистки входятъ въ анархическія группы, женщины соціалистки входятъ въ соціалистическія партіи. Помощь духовная и моральная женщина такъ же нужна мощь духовная и моральная женщинѣ такъ же нужна женщинѣ. Полное обособленіе женщинъ въ особое сепаратное движеніе было бы вредно для общаго дѣла; къ тому же это означало бы, что женщина представляетъ собою либо особую породу, отличную отъ Homo Sapiens, либо особый общественный классъ, имѣющій особую идеологію, особый идеалъ и особыя средства борьбы. Мы же утверждаемъ, что все это не такъ; интересы работницы тождественны интересамъ работника, нѣтъ нужды искусственно расщеплять эти единые интересы. Кромѣ того феминизмъ унизителенъ для сознательной интеллигентной женщины, какъ былъ бы унизительнымъ для сознательнаго интеллигентнаго мужчины, «Гоминизмъ» (отъ слова Homo), если бы подобное позорное движеніе могло возникнуть.

***

Очень часто феминистки повторяютъ свой избитый аргументъ о томъ, что «женщина кромѣ того мать». Да, чертъ побери! Мужчина тоже «кромѣ того отецъ». Можетъ быть, феминистки говорятъ о тѣхъ отцахъ, которые женятся для того, чтобъ удобнѣе и безнаказаннѣе наслаждаться въ «сосѣднемъ домѣ». Слава богу, нѣтъ въ наше время, недостатка и въ такихъ женщинахъ, которыя выходятъ замужъ точно съ такими же цѣлями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно аккуратно слѣдить въ любой газетѣ и въ любой странѣ отдѣлъ происшествій. Современная жизнь такъ сложна, она такъ запутала человѣческія сношенія, что, право, трудно сказать, «кто вретъ и кто кого надуваетъ». Къ тому же, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, въ особенности у женщинъ феминистокъ, развиты какія то ярыя собственническія претензіи на дѣтей; пора понять, что ребенокъ не собственность ни отца, ни матери; онъ не проситъ васъ производить его на свѣтъ божій; разъ онъ явился на этотъ свѣтъ, не по своей волѣ, а по вашему обоюдному желанію, разъ вы произвольно распорядились его бытіемъ, то онъ вправѣ вамъ обоимъ предъявлять одинаковыя требованія. На самомъ дѣлѣ, все время пишутъ и говорятъ о правахъ родителей и совершенно забываютъ о правахъ ребенка, которыя выше правъ родителей, такъ какъ не онъ отвѣтственъ за то, что онъ существуетъ, а вы, родители. Не онъ требовалъ, чтобы на міровомъ пиру былъ поставленъ лишній приборъ, эту необходи-

мость создали вы, отецъ и мать, вмѣстѣ, вдвоемъ, а не мать или отецъ отдѣльно. Недалеко то время, когда и за ребенкомъ будетъ признано «юридическое лицо»; тогда исчезнетъ право на собственность ребенка и онъ, независимо отъ произвола отца или матери, получитъ самостоятельную общественную цѣнность.

***

Во всемъ феминистскомъ движеніи самый важный фактъ тотъ, что женщины начинаютъ принимать серьезное участіе въ революціонномъ движеніи; для русскихъ женщинъ революціонное дѣло давно знакомое дѣло, мы говоримъ о западно-европейскихъ женщинахъ, въ особенности объ англичанкахъ, которыя славились своимъ филистерствомъ, а теперь не брезгаютъ ни бомбами, ни самыми крайними формами саботажа. Англійская женщина! Кто бы могъ сказать, что онѣ заявятъ себя такими ярыми революціонерками! Какъ всякое начало, такъ и выступленіе англичанокъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ досадныхъ ошибокъ, и нѣкоторыя ихъ выступленія порою напоминаютъ вандализмъ чистѣйшей воды, напримѣръ, уничтоженіе рѣдкихъ растеній ботаническаго сада и рѣдкихъ животныхъ зоологическаго сада. Разрушеніе культурныхъ цѣнностей никогда не должно стать объектомъ революціонной борьбы, иначе разрушеніе перестаетъ быть творческимъ разрушеніемъ и становится простымъ вандализмомъ. Все культурное благо, накопленное въ продолженіе долгихъ вѣковъ, принадлежитъ не намъ, а будущему свободному человѣчеству, мы за нихъ отвѣтственны передъ будущими поколѣніями, ихъ разрушать мы не имѣемъ права. Объектомъ разрушенія должны быть «лица и учрежденія», ярко представляющія современный грабительскій и угнетающій строй.

***

Когда современная медицина поднимаетъ знамя возстанія и заявляетъ, что ничто человѣческое ей не чуждо, что во всемъ томъ, что соціально полезно она хочетъ принимать участіе, когда она заявляетъ, что она не хочетъ быть простой зрительницей ни революціонно разрушительной, ни революціонно созидательной работы, но хочетъ принимать въ этой работѣ живое участіе, когда она заявляетъ, о своемъ неуклонномъ желаніи принимать участіе во всей культурной жизни человѣчества, мы находимъ, что все это не только ея священное право, но и ея священная обязанность, какъ всякаго существа. Но когда она заявляетъ о своемъ желаніи идти въ парламентъ, когда она говоритъ о необходимости пріобрѣтенія для себя избирательныхъ правъ, мы ужъ не вмѣстѣ, для насъ избирательное право не право, тутъ дороги наши расходятся! Развѣ вы хотите идти въ парламентъ, который мы давно привыкли презирать, и къ разрушенію котораго мы стремимся во имя большей свободы, во имя большаго равенства, мы говоримъ: нѣтъ! Мы анархисты и анархистки идемъ по другому пути, по пути народной революціи; анархистки и анархисты давно пережили, переодолѣли парламентаризмъ. Женщина анархистка хочетъ вплести въ свои волосы живые, никогда не увядающіе цвѣты высокаго идеала, а не увядшіе, обрызганные грязью цвѣты изношеннаго и истасканнаго парламентаризма.

И-чъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАНЦІЮ.

Въ «письмѣ въ редакцію», помѣщенномъ въ № 6 Р. М., я высказался въ томъ смыслѣ, что съѣздъ долженъ заняться обсужденіемъ только *насущныхъ* вопросовъ. Считаю нужнымъ развить и дополнить свою мысль. Съѣздъ, раньше всего, не можетъ и не долженъ ставить себѣ задачей—обсужденіе и рѣшеніе *теоретическихъ* вопросовъ. И вотъ почему: въ области теоріи у насъ *не все* обстоитъ благополучно. Необходимъ коренной пересмотръ, необходима разработка и переработка многихъ теоретическихъ положеній. Мыслимо-ли, чтобы *эту* работу выполнилъ съѣздъ. — Конечно, нѣтъ. Съѣздъ можетъ работу результаты коллективнаго творчества. А для этого необходимо, чтобы всѣ спорные вопросы анархизма *предварительно* обсуждались въ спеціально *для этой цѣли созданномъ теоретическомъ органѣ*. Это — буквально предступленіе — обсуждать вопросы теоріи поверхностно, слегка; получится *вульгаризація* тѣхъ основныхъ положеній которыя сдѣлались прочнымъ достояніемъ всѣхъ анархистовъ-коммунистовъ.

Допустимъ даже, что большинство товарищей настроено менѣе «критически», чѣмъ я. Допустимъ, что они глубоко убѣждены въ томъ, что на нашей «теоретической Шипкѣ» все спокойно». Эти товарищи, естественно, поставятъ себѣ задачей дать *сводку* основныхъ положеній анархическаго міровоззрѣнія. Думаете-ли вы, что эту работу можно выполнить безъ предварительнаго обсужденія! — Конечно, нѣтъ!

Придется заняться хотя бы выясненіемъ существующаго взаимоотношенія между взглядами М. Бакунина и П. А. Кропоткина — а это большая работа, серьезная! Вѣдь, вотъ, нѣкоторые товарищи настаиваютъ на томъ, чтобы съѣздъ обсудилъ вопросъ: «Философія анархизма». Считаютъ ли эти товарищи себя подготовленными къ обсужденію *на съѣздѣ* такихъ проблемъ? — Ово, конечно, различное пониманіе «философіи» бываетъ. Многіе смѣшиваютъ простоту съ неприпустимой «элементарщиной», *вульгаризацію* съ неразпашевой вульгаризаціей. Я увѣренъ, что товарищи, предлагающіе съѣзду обсужденіе такого вопроса, такъ на дѣло *не* смотрятъ: что они — какъ и я — противъ того, чтобы съѣздъ наговорилъ побольше общихъ мѣстъ. Можно, конечно, сказать нѣсколько словъ о томъ, что, молъ, исторію творятъ массы, что представленіе о центральной силѣ, движущей міромъ и центральной личности, движущей исторіей—ошибочно; что личность не мнимая все-же величина въ исторіи. Но, вѣдь, я потлагаю, что всѣ товарищи согласятся со мной въ томъ, что такое скучное шаблонное повтореніе общихъ мѣстъ недопустимо, хотя-бы потому, что такое отношеніе можетъ только дискредитировать здоровую по существу идею о необходимости *серьезной работы* надъ вопросами міросозерцанія! Или вотъ: товарищи хотятъ, чтобы съѣздъ опредѣлилъ свое отношеніе къ философіи исторіи марксизма! Прекрасная мысль! Нѣтъ сомнѣнія — я это усиленно подчеркивалъ въ своихъ докладахъ — что кое-кто изъ товарищей отразилъ *марксистской мистикой*. Но все таки грудно понять, почему *съѣздъ* долженъ опредѣлить свое отношеніе къ теоріи Маркса и «замолчать», такъ сказать, теорію Лаврова, Н. К. Михайловскаго, Л. Н. Толстого? Развѣ для философіи анархизма — а товарищи, какъ мы уже упомянули, требуютъ объясненія и этого «вопроса» — безразлично ученіе Михайловскаго о «типахъ» и «степеняхъ», «чести» и «совѣсти»?

Нѣтъ, я рѣшительно высказываюсь противъ того, чтобы съѣздъ включилъ обсужденіе теоретическихъ вопросовъ въ официальный порядокъ дня. Разумѣется, докладчики по тѣмъ или инымъ организаціонно-тактическимъ вопросамъ не только могутъ, но должны аппелировать къ основнымъ принципамъ; а обсужденіе вопроса о демократіи, напримѣръ, *требуетъ* теоретической аргументаціи, но это ужъ совсѣмъ иное дѣло.

Значитъ-ли, что съѣздъ долженъ остаться равнодушнымъ къ теоретическимъ вопросамъ? — Ни въ коемъ случаѣ! *Съѣздъ* долженъ *заняться изысканіемъ средствъ* и *созданіемъ теоретическаго органа*, *имѣющаго цѣлью разработку всѣхъ проблемъ міровоззрѣнія*: психологію личности, наше пониманіе «законовъ» исторіи, роль «творчества» въ пониманіи Бакунина, проблемы «формальнаго права и т. д., и т. д. Еще: съѣздъ *можетъ* поручить комиссіи, — подготовить къ будущему съѣзду проектъ программы. Этотъ проектъ долженъ явиться не только сводкой основныхъ положеній. Онъ долженъ фиксировать положительную и критическую работу мысли. Какая это по истинѣ громадная, грандіозная задача!

Только этимъ путемъ съѣздъ даетъ могучій *толчокъ работѣ мысли*.

Включеніемъ же *въ порядокъ дня* вопросовъ теоріи съѣздъ ничего для теоріи — путнаго не сдѣлаетъ, а отвлечетъ свое вниманіе отъ разрѣшенія насущныхъ вопросовъ: отношеніе къ демократіи, максимализму, минимализму, синдикализму и пр. къ демократіи.

Съ товарищ. привѣтомъ

Рощинъ.

На ту же тему.

Пользуюсь случаемъ, чтобъ высказать свое мнѣніе, какъ по поводу письма тов. Рощина, такъ и по поводу задачъ предполагаемаго съѣзда.

Тов. Рощинъ правъ, указывая на невозможность разрѣ-

пить на съѣздѣ съ одного маху всѣ философскія и научныя проблемы. Съѣздъ нашъ не считаетъ какой-нибудь, чтобъ утвердить какое-нибудь научное или философское ученіе на основаніи простой вѣры, безъ предварительной критики, безъ предварительнаго, серьезнаго, продолжительнаго изученія. Надъ созданіемъ стройнаго анархическаго міровоззрѣнія работали такіе люди, какъ Бакунинъ, Реклю, Кропоткинъ, и работа эта все еще не закончена, до того она сложна и громадна, а тутъ добрые люди предлагаютъ намъ исполнить продолженіе всего какихъ-нибудь нѣсколькихъ мѣсяцевъ, трактатъ, обнимающій всѣ научно-философскія основы анархическаго міровоззрѣнія! Эта такая нелѣпость, которая лишь въ больномъ мозгу можетъ зародиться. Если эти добрые люди созываютъ съѣздъ для того, чтобъ поставить анархизмъ и анархистовъ въ смѣшное положеніе, то могу смѣло утверждать, что подобная попытка встрѣтитъ самое упорное сопротивленіе со стороны тѣхъ, для которыхъ анархизмъ не забава, не «игра въ партію».

Мнѣ кажется, что нѣкоторымъ товарищамъ лавры соціалъ-демократовъ не даютъ покою. Какъ соціалъ-демократы рѣшали на своихъ съѣздахъ, кто правъ, Бернштейнъ или Каутскій, происходитъ ли концентрація капитала, какъ то предвидѣлъ Марксъ, или происходитъ въ меньшихъ размѣрахъ или вовсе не происходитъ и т. д., такъ и нѣкоторые наши товарищи хотятъ рѣшить на съѣздѣ, кто правъ, матеріалисты или эмпиріокритицисты, идеалисты или отчаянные Махи, Пуанкаре и т. д. Они также хотятъ тутъ же въ нѣсколько дней опредѣлить наши взгляды на роль личности въ исторіи, формулировать общія основы нашей философіи исторіи, и это при какихъ условіяхъ! Всѣ эти вопросы не обсуждались въ нашей прессѣ, въ ней объ области не происходило у насъ никакой теоретической работы; не разработанъ даже отчасти тотъ матеріалъ, который имѣется въ нашей литературѣ. Намъ предлагаютъ заняться этимъ колоссальнымъ дѣломъ тогда, когда одна часть нашихъ товарищей незнакома подробно даже со всѣми произведеніями Кропоткина, а другая — мало знакома съ Бакунинымъ и Реклю, отчасти потому, что произведенія этихъ послѣднихъ либо не имѣются на русскомъ языкѣ, либо по своему объему не удобочитаемы. Нѣтъ, товарищи, пока мы не изучили, не разобрали и не привели въ порядокъ, не провели сквозь огонь критики громадное духовное наслѣдіе нами полученное, мы не вправѣ заниматься за выработку символа вѣры нашего научно-философскаго міровоззрѣнія.

Вотъ почему я думаю, что для того, чтобъ съѣздъ не получился смѣхотворнымъ, намъ обязательно нужно сузить порядокъ дня такъ, чтобы на очереди остались лишь *практическіе* вопросы, разрѣшеніе которыхъ намъ болѣе или менѣе доступно.

Итакъ, если съѣздъ захочетъ сдѣлать полезное дѣло, собрать разбросанныя анархическія силы, организовать ихъ не на нечаевскихъ, а на анархическихъ началахъ, если онъ захочетъ заняться выполненіемъ тактическихъ и программныхъ вопросовъ, если онъ пожелаетъ изыскать средства для того, чтобъ анархическая работа *какъ практическая, такъ и теоретическая*, носила болѣе планомѣрный и болѣе широкій характеръ, то онъ можетъ оказать нашему общему дѣлу весьма серьезную услугу, если же съѣздъ собирается только для того, чтобы побоятать, то, право, для этого не стоитъ собирать съѣзда.

К. Оргіани.

БЛАГОРОДНЫЙ ПОСТУПОКЪ.

Наши соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, при помощи своихъ единомышленниковъ разныхъ странъ, рѣшили организовать помощь ссыльнымъ и каторжанамъ. Одна такая организація уже была основана В. Н. Фигнеръ, — организація вполнѣ безпартійная и безпристрастная. На что понадобилась еще одна конкурирующая организація? Очевидно, инициаторы новой организаціи хотѣли расширить дѣло и начали это съ того, что... исключили анархистовъ.

Поразительная логика и поразительная этика, такъ ярко напоминающія этику и логику нашихъ шовинистовъ, которые во время балканской войны собирали деньги только для союзниковъ. Передъ нами раненые и голодные люди, казалось, говорили они, — одни изъ нихъ славяне и греки, другіе турки. Славянамъ и грекамъ, мы обмоемъ и перевяжемъ раны, мы ихъ накормимъ и утѣшимъ, а турокъ — подыхай!

Точно такой же логикой руководятся инициаторы новой организаціи, имѣющей въ виду помощь ссыльнымъ и каторжанамъ. Передъ нами измученные и изстрадавшіеся люди, одни изъ нихъ соціалъ-демократы и соціалисты революціонеры, другіе — анархисты. Первымъ, говорятъ инициаторы новой организаціи, мы будемъ помогать, постараемся утѣшить ихъ братской солидарностью и помощью, а анархистовъ пусть подыхаютъ, ибо они совершили тяжкое преступленіе, отвергнувъ парламентаризмъ и отказавшись признать захватъ власти соціалистами - государственниками конацеею. Вотъ логика, этихъ людей, этихъ носителей всемірнаго братства!

Впрочемъ, что же удивляться поступкамъ людей, которые руководятся нравственными нормами, выработанными г.г. Рошинымъ и Винниченко.

Ко всѣмъ анархистамъ!

Анархическая федерація Германіи, думая, что созывъ международнаго анархическаго съѣзда необходимъ и находя, что теперешнее время является наиболѣе подходящимъ для организаціи съѣзда, высказываетъ слѣдующія соображенія:

Международнаго анархическаго съѣзда не было съ 1907 г.

Анархисты всѣхъ странъ чувствуютъ все больше и больше необходимость серьезной организаціи, этотъ вопросъ организаціи стоитъ на очереди повсюду, гдѣ анархисты дѣятельны.

Отсюда слѣдуетъ, что будущій съѣздъ долженъ быть, прежде всего, съѣздомъ организаціонныхъ, что на немъ, въ первую голову и весьма подробно, нужно обсуждать практическіе вопросы, иначе связь, болѣе или менѣе прочная, которая существуетъ между нашими группами, совершенно исчезнетъ.

Поэтому мы обращаемся ко всѣмъ, не только тѣмъ, кто хочетъ помѣшать, чтобъ выше указанное разобщеніе между группами произошло, но и тѣмъ, кто желаетъ прочнѣе связать группы между собою и укрѣпить союзъ между ними болѣе планомѣрной пропагандой; просимъ всѣхъ распространить это воззваніе между группами и федераціями каждой страны, перепечатать его въ анархистскихъ газетахъ и отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1. Считаютъ ли анархическія группы вашей страны созвукъ международнаго съѣзда необходимымъ? Если да, то будутъ ли онѣ принимать непосредственное участіе въ съѣздѣ?

2. Мы предлагаемъ созвать будущій съѣздъ осенью 1914 г., чтобы товарищи всѣхъ странъ имѣли время для обсужденія вопросовъ, касающихся организаціи и подготовленія будущаго съѣзда.

3. Не думаетъ ли вы, что было бы желательно пригласить на съѣздъ только представителей группъ, федерацій и анархическихъ газетъ, чтобы съ одной стороны, съѣздъ дѣйствительно представлялъ анархическое движеніе, а съ другой, чтобы избѣжать присутствія на съѣздѣ лицъ, не имѣющихъ отношенія къ анархизму или привлеченныхъ на съѣздъ простымъ *любопытствомъ*.

4. Считаете ли полезнымъ возобновленіе до съѣзда «Международнаго Бюллетеня»? Если да, то можете ли помогать матеріально изданію.

Повторяемъ, время не терпитъ, а потому надѣемся, что товарищи отвѣтятъ какъ можно скорѣе на наши вопросы.

Всѣ деньги, которыя будутъ присланы намъ, немедленно будутъ пересланы Лондонской организаціи, которая назначена согласіе взять на себя организацію съѣзда, если это ей будетъ поручено.

Товарищи разсчитываемъ на вашу помощь!

За анархическую федерацію Германіи
Rudolf Oestreich.
Berlin, S. O. 26, Kottbuser Ufer, 59.

Отъ издательской группы.

Товарищъ, которому Цюрихская группа поручила редактированіе «Рабочаго Міра», проситъ насъ заявить, что онъ больше редакторомъ газеты не состоитъ. Редактированіе газеты, начиная съ № 7, переходитъ въ другія руки.

Мы печатаемъ полученное нами воззваніе нѣмецкихъ товарищей. Печатая его, какъ того просятъ авторы воззванія, мы въ свою очередь, просимъ всѣ наши группы откликнуться на это воззваніе. Ред

Отчетъ будетъ помѣщенъ въ слѣд. номерѣ.

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:
Zürich, Post Banhof, Postfach 15496.
Eduard Meier.